

В.В. Седов

Восточные славяне в VI-XIII вв.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В.В. Седов
В11 Восточные славяне в VI-XIII вв. / В.В. Седов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 336 с.

ISBN 978-5-458-40609-3

История восточного славянства начинается с того периода, когда из общеславянского (праславянского) языка стал выделяться самостоятельный восточнославянский язык. До образования отдельных восточнославянских народностей народностей, в раннем средневековье, восточные славяне составляли единую древнерусскую народность, для которой были характерны общий язык и однородная материальная и духовная культура. Настоящая книга посвящена первому периоду истории восточных славян - от VI-VII веков, когда происходили процессы, подготавливающие распад общеславянского языка, и закладывались основы для формирования древнерусской народности, до XIII столетия включительно, когда исторические события привели к политическому дроблению восточнославянской территории. По материалу из курганов, поселений и других памятников исследуются все стороны культуры восточных славян накануне и в период сложения древнерусской государственности, вопросы формирования и расселения их племенных группировок, взаимоотношения с соседями - финно-угорским, балтским, иранским и тюркским населением. Рассматривается конкретная история каждой из племенных группировок восточных славян.

ISBN 978-5-458-40609-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Введение

Восточные славяне ныне — население, говорящее на русском, украинском и белорусском языках. Этому населению свойственны специфические языковые и этнографические особенности, выделяющие его из остального славянского мира. До образования отдельных восточнославянских народностей, в раннем средневековье, восточные славяне составляли единую древнерусскую (или восточнославянскую) народность, для которой были характерны общий язык и однородная материальная и духовная культура. Таким образом, восточные славяне — понятие не географическое, а этноисторическое.

История восточного славянства начинается с того периода, когда из общеславянского (праславянского) языка стал выделяться самостоятельный восточнославянский язык. Это произошло, как отчетливо свидетельствуют многие лингвистические данные, в VII—VIII вв. (Филин Ф. П., 1962, с. 152—290; 1972, с. 6—30). Следовательно, история восточного славянства насчитывает около 12—13 столетий.

Настоящая книга посвящена первому периоду истории восточных славян — от VI—VII вв., когда происходили процессы, подготавливавшие распад общеславянского языка, и закладывавшие основы для формирования древнерусской народности, до XIII столетия включительно, когда исторические события привели к политическому дроблению восточнославянской территории. Это во многом способствовало развитию местных языковых и культурных особенностей, что в конечном итоге привело к сложению русской, украинской и белорусской народностей.

К VIII—IX вв. славянские племена занимали значительные пространства Восточной Европы — от Чудского и Ладожского озер на севере до Черного моря на юге. Эта территория принадлежит к Восточно-Европейской, или Русской, равнине (средняя высота над уровнем моря 170 м). Характер местности в целом равнинный, лишь в отдельных местах имеются небольшие повышения поверхности. Таковы Среднерусская, Валдайская, Смоленская и Подольская возвышенности. В формировании современного рельефа заметную роль сыграло древнее оледенение. В северных районах сохранился моренный покров со слегка холмистым рельефом. В средней полосе ледниковая морена подверглась размыту тальми водами, что привело к значительному сглаживанию холмов. В южной части, на территории, не покрывавшейся ледником, поверхность расчленена долинами крупных рек и имеет развитую балочно-овражную сеть.

Русская равнина обладает развитой речной системой. Равнинность территории при небольшой высоте и обширной площади определили значительную длину рек при малом уклоне их русел. Из рек южного стока наибольшую площадь занимает Днепр с его крупными притоками Припятью, Десной и Сожем. К старой восточнославянской территории принадле-

жат еще бассейн Днестра и Южного Буга, а также верхнее течение Волги с бассейном Оки. Из бассейнов северной части Русской равнины нельзя не назвать Ильменский, включающий Ловать, Мсту, Шелонь и Волхов; Псковский — с рекой Великой; Западновинский и Неманский.

Значительная часть Восточно-Европейской равнины покрыта лесами. Преобладают смешанные и широколиственные леса. Лишь южные окраины восточнославянской территории принадлежат к лесостепи, где лес с лиственными породами деревьев чередуется с разнотравными степями.

Для северных и южных районов Русской равнины типичны подзолистые почвы, а там, где хвойные леса перемежаются лиственными, а также луговыми полянами с густым травяным покровом, распространены дерново-подзолистые почвы с повышенным содержанием перегноя. В зоне широколиственных лесов образовались бурые или серые лесные почвы, более плодородные по сравнению с подзолистыми. В лесостепных районах преобладают черноземы — самые плодородные почвы.

Равнинный характер, благоприятные климатические условия, обилие рек и лесов способствовали освоению человеком Русской равнины в глубокой древности. В первой половине I тысячелетия н. э. Восточно-Европейская равнина была заселена племенами, относившимися к нескольким языковым группам. Ее наиболее северные территории, от Финляндии и Эстонии на западе до Урала на востоке, были заняты финно-угорским населением. Средняя часть, выходящая к побережью Балтийского моря на участке от устья Вислы до устья Западной Двины, принадлежала балтам. Более южные области Поднепровья с примыкающими к нему верховьями Буга и Днестра заселяли славяне, вплотную соприкасавшиеся на юге с прапоязычными сарматскими племенами.

Интерес к истории восточных славян и их происхождению проявился очень давно. Впервые на вопрос о происхождении древнерусского народа попытался ответить в начале XII в. летописец Нестор, автор Повести временных лет (ПВЛ, I, с. 9—17). По его представлениям, славяне в древности жили на Дунае, «где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска» (ПВЛ, I, с. 11). Затем на них падали волохи, и притесняемые славяне начали широкое расселение по Средней и Восточной Европе. Летописец называет славянские племена и указывает их географическое положение.

Особенно подробно описывает он восточнославянские (или, как они именуются в летописях, русские) племена, составившие основу древнерусской народности. Летописцу было известно 13 славянских племен, населявших Восточную Европу. В Среднем Поднепровье жили поляне, на земле которых возник Киев. Их западными соседями были древяне. Из их

городов упоминаются Овруч и Искоростень. Еще западнее, на Воляни, расселились бужане (воляняне). Между Припятью и Западной Двиной обитали дреговичи. На днепровском левобережье, по Десне, Сейму и Суле, расположилась севера (северяне). Здесь же, на левом притоке Днепра — Соже, локализуются радимичи. Верховья Оки занимали вятичи. Одним из крупнейших русских племен были кривичи, заселявшие верхние течения Днепра, Волги и Западной Двины, а также, судя по поздним летописным сводам, будущую Исковскую землю. Летописец называет еще полочан, поселившихся на реке Полоте, притоке Западной Двины. Судя по данным других летописей, полочане представляли ответвление кривичей. Самым северным русским племенем были словене, жившие в обширном бассейне оз. Ильмень. Южную окраину восточнославянской территории по Днепру, Южному Бузу и Днестру занимали уличи и тиверцы, а где-то на юго-западе, по-видимому в Прикарпатье, обитали хорваты.

Наконец, в экскурсе о событиях VII в. летописец называет славянское племя дулебов, которое обитало на Воляни и притеснялось обрами (аварами). В древнерусское время этого племени уже не было, его территорию занимали бужане (воляняне).

Летописное описание племен долгое время оставалось единственным источником по ранней этнической истории восточного славянства. Русские историки XVIII—XX вв. в своих исследованиях ограничились комментариями к летописным известиям и высказали несколько догадок относительно истории и судеб восточнославянских племен. Плодотворной оказалась попытка основателя русской исторической географии Н. П. Барсова использовать данные топошники для ограничения ареалов летописных славянских племен (*Барсов Н. П.*, 1885).

В XIX в., особенно во второй его половине, почти на всей восточнославянской территории активно велись раскопки курганов — погребальных памятников восточных славян IX—XIV вв. Они раскапывались и специалистами-археологами, и историками, и краеведами, и просто любителями старины. Многие из этих раскопок выполнялись некачественно. Тем не менее, к концу столетия в различных уголках древнерусского региона было вскрыто около 20 тысяч курганных насыпей. Находки из них составили обильные вещевые коллекции многих музеев Восточной Европы. Уже в 1899 г. выдающийся русский археолог А. А. Спицын прекрасно показал, что курганы и вещевые материалы из них могут служить важнейшим историческим источником для исследования восточнославянских племен (*Спицын А. А.*, 1899в).

Древнерусские курганы, кроме общих признаков, объединяющих их в единую культуру и отличающих от соседних памятников, характеризуются локальными особенностями. Анализ этих особенностей позволяет выделить в восточнославянском ареале области, каждой из которых свойственны определенные детали погребальной обрядности и специфический набор женских украшений. Географическое положение этих областей соответствует летописным местам расселения восточнославянских племен. Но археологические сведения, поскольку они несравнимо богаче летописных и поддаются детальной картированию, дали возможность уточнить указания письменных

источников и детализировать картину расселения славянских племен в Восточной Европе.

Изучая современные диалекты восточнославянских языков и материалы древнерусской письменности, А. А. Шахматов (*Шахматов А. А.*, 1899, с. 324—384), А. П. Соболевский (*Соболевский А. П.*, 1884) утверждали, что между диалектной дифференциацией древней Руси и племенами Повести временных лет существует какая-то зависимость. Летописные племена, как полагали исследователи, были не случайными образованиями, а этническими группами восточного славянства. Установив, что для некоторых восточнославянских племен характерны своеобразные украшения, относящиеся как составная часть женского костюма к признакам этнического порядка, А. А. Спицын подтвердил мысль А. А. Шахматова об этническом своеобразии племен Повести временных лет.

Выводы А. А. Спицына и его характеристика восточнославянских племен были безоговорочно приняты русскими и зарубежными исследователями. В русской литературе они позднее были развиты Ю. В. Готье (*Готье Ю. В.*, 1930, с. 204—247). На основе всех известных в то время источников он попытался охарактеризовать древности восточнославянских племен и выяснить некоторые исторические вопросы, связанные с ними. По пути, указанному А. А. Спицыным, построено исследование восточнославянских племен в трудах знаменитого чешского слависта Я. Нидерле (*Niederle J.*, 1904; *Нидерле J.*, 1956, с. 152—166).

К началу 30-х годов XX в. относятся первые археологические монографии, посвященные отдельным восточнославянским племенам. А. В. Арциховский систематизировал курганный материал вятичей XI—XIV вв. (*Арциховский А. В.*, 1930а). Б. А. Рыбаков исследовал радимичские курганные древности (*Рыбаков Б. А.*, 1932, с. 81—153).

В 1937 г. П. Н. Третьяков выразил сомнение в возможности использовать древнерусские курганные материалы для изучения племен Повести временных лет (*Третьяков П. Н.*, 1937, с. 33—51). По мнению этого исследователя, племена начальной летописи нужно изучать исключительно по археологическим данным первобытнообщинного периода, поскольку курганные материалы IX—XIII вв. относятся уже к тому времени, когда племенные группы славянства сошли или сходили с исторической сцены. Территориальные различия женских украшений в курганах XI—XIV вв. П. Н. Третьяков объяснял тяготением населения к определенным экономическим центрам, которые будто бы являлись пунктами массового ремесленного производства этих украшений. Границы же распространения определенных типов женских украшений исследователь связывал с территориями «формирующихся феодальных областей».

В ответной статье А. В. Арциховского (*Арциховский А. В.*, 1937, с. 53—61) и в последующей археологической литературе была показана ошибочность этих положений П. Н. Третьякова. Теперь представляется несомненным, что женские височные украшения восточных славян могут служить надежным этноплеменным признаком и по своему распространению не укладываются ни в какие политические образования. Изучение ремесленного производства древней Руси, в том числе изготовления височных

украшений, позволило Б. А. Рыбакову утверждать, что территориальное распространение височных колец не связано с экономическими центрами. Курганные вещи изготовлялись в основном деревенскими мастерами с ограниченными районами сбыта. Очевидно, что единство форм украшений в определенных областях обусловлено только их этническими особенностями.

Между тем, дискуссия, начатая П. Н. Третьяковым, сыграла положительную роль в изучении восточнославянских племен. Весьма ценным в положениях этого исследователя было стремление привлечь к изучению славянских племен археологические данные второй половины I тысячелетия н. э., на которые до этого не обращали внимания. История некоторых восточнославянских племен, названных в летописях, начинается с более раннего времени, чем IX—X вв., когда повсеместно распространяется курганный погребальный обряд. Археологические материалы второй половины I тысячелетия н. э. очень важны для выяснения процессов расселения и формирования восточнославянских племен. Однако привлечение раннего материала для изучения восточнославянских племен несколько не умаляет значения более позднего курганного материала. Более того, оказывается, что без него невозможно восстановить детали ранней истории летописных племен.

Итогом большой работы П. Н. Третьякова над древностями второй половины I тысячелетия н. э. явилось его исследование о северных восточнославянских племенах — кривичах, словенах повгородских и вятичах (*Третьяков П. Н.*, 1944, с. 4—53). Словене новгородские характеризовались на основе их древнейших погребальных памятников — сопок, кривичи — по материалам длинных курганов, а с вятичами связывались погребальные насыпи с доминирующей типа Шаньково — Поченок. Б. А. Рыбаков попытался проследить историю и восстановить территорию полян и северян не только по курганному материалу IX—XII вв., но и по памятникам III—VIII вв. Северянскими он считал городища ромеянской культуры, а с полянами — крупным племенным союзом, занимавшим оба берега Днепра, — связал вещи с выемчатой эмалью днепровского типа и антропоморфные фибулы (*Рыбаков Б. А.*, 1947, с. 81—105).

П. Н. Третьякову принадлежит обобщающая работа по восточноевропейским древностям I тысячелетия н. э. и более древней поры, сыгравшая заметную роль в изучении преемственности восточного славянства (*Третьяков П. Н.*, 1948; 1953). К сожалению, огромные материалы древнерусских курганов не были использованы в работе, что, естественно, обеднило исследование. Теперь, когда получены новые данные по восточноевропейским древностям I тысячелетия н. э., далеко не все положения книги П. Н. Третьякова удовлетворяют науку.

Для археологии послевоенных десятилетий характерно пристальное внимание к славянским памятникам третьей четверти I тысячелетия н. э. Не менее активно исследовались и синхронные древности соседнего населения. В результате плодотворных экспедиционных изысканий в общих чертах была создана этническая карта Восточной Европы накануне широкого славянского расселения (*Третьяков П. Н.*, 1966; *Седов В. В.*, 1970б, с. 8—76; 1978г, с. 9—15).

К настоящему времени в распоряжении археологов имеется свыше 40 тысяч славянских погребальных комплексов, которые являются бесценным источником по восточнославянской истории.

В нашем труде сделана попытка обобщения всех археологических материалов, накопленных наукой. Первый раздел книги отведен периоду, который непосредственно предшествовал сложению восточного славянства. Без изложения основных вех ранней славянской истории остались бы непонятными многие стороны расселения и формирования восточнославянских племен.

Важнейшей задачей второго раздела исследования является изучение истории племенных групп восточных славян, известных по русским летописям, условий их расселения и формирования, а также анализ взаимодействия их с неславянским населением Восточной Европы.

В заключительных разделах книги освещаются некоторые общие вопросы восточнославянской археологии — социально-экономическая история, условия сложения древнерусской народности, русская дружина по данным археологии и языческая религия. Изучение этих вопросов прежде всего основано на тех же курганных материалах, которые служат основным источником при анализе истории восточнославянских племен.

В основе исследования лежат археологические материалы. Их анализ и интерпретация составляют каркас настоящей книги.

В связи с успехами археологического изучения восточнославянских племен летописного периода с 30-х годов XX в. антропологи стали систематизировать краниологические материалы из курганных могильников X—XIV вв. в зависимости от племенных ареалов, устанавливаемых археологами (*Дебец Г. Ф.*, 1932, с. 69—80; 1948; *Трофимова Т. А.*, 1946, с. 91—136; Происхождение русского народа, с. 248—255; *Алексеев В. П.*, 1969, с. 162—207; *Алексеева Т. И.*, 1973).

Однако племенное деление восточного славянства, детально изученное археологами, не нашло какого-либо соответствия в антропологической дифференциации славянского населения эпохи раннего средневековья. Антропологическая карта Восточной Европы X—XIV вв. оказалась весьма отличной от синхронной археологической, что с исторической точки зрения представляется вполне оправданным. Как показано ниже, племенное деление восточного славянства сложилось только во второй половине I тысячелетия н. э. и было результатом широкого расселения славян и отчасти их взаимодействия с местным населением. В отличие от материальной культуры, антропологическое строение не подвержено быстрым изменениям. Истоки антропологического членения восточного славянства относятся к более древней поро и во многом зависят от антропологии субстратного населения, вошедшего в состав славянства. Поэтому палеоантропология славян не может быть связана с основными проблемами настоящего исследования. Данные антропологии анализируются лишь при рассмотрении отдельных тем.

В антропологическом строении восточного славянства эпохи раннего средневековья выделяется четыре основных типа. Они установлены при анализе

крайнологических материалов, полученных из курганов и городских кладбищ древней Руси, вне зависимости от племенных ареалов, намечаемых археологией и летописью (Седов В. В., 1977а, с. 148—156).

Для юго-западной части территории восточнославянского расселения характерен мезокраний, относительно широколицый антропологический тип. Серия черепов этого типа происходят из курганов Волинии и южных районов Припятского Полесья, из древнерусских могильников Прикарпатья и Молдавии, а также из некрополей Кисва, Витачева и Родни.

Ближайшие аналоги этим сериям черепов выявляются среди крайнологических материалов из средневековых славянских погребений Польши и Чехословакии. Происхождение мезокрания широколицего антропологического типа славян пока не выяснено. В восточноевропейских материалах предшествующего времени какие-либо генетические корни этого типа не обнаруживаются. Однако неясность происхождения этого антропологического типа славян обусловлена прежде всего тем, что у многих племен Средней и Восточной Европы в I тысячелетии до н. э. и в I тысячелетии н. э. господствовал обряд кремации умерших, который не оставляет материалов для антропологов.

В днепровском левобережье и бассейне верхней Оки локализуется второй антропологический тип восточного славянства. Он характеризуется средним или узким лицом и долихо-субмезокранией. Сравнительное сопоставление краниометрии славян днепровского лесостепного левобережья и населения II—IV вв., известного по черняховским могильникам, обнаруживает их явную близость. В свою очередь черняховское население, судя по антропологическим данным, в значительной степени восходит к скифскому. Таким образом, можно утверждать, что в Среднем Поднепровье раннесредневековые славяне, принадлежащие к рассматриваемому антропологическому типу, в основном являются славянизированными потомками скифского (ираноязычного) населения тех же областей.

Труднее ответить на вопрос о происхождении долихо-мезокрания узко-среднелицевого антропологического

типа славян в левобережной части Верхнего Поднепровья и на верхней Оке. Конечно, можно предположить, что распространение этого типа здесь является результатом расселения славян из Среднего Поднепровья. Некоторое своеобразие крайнологических материалов Окского бассейна в таком случае можно было бы объяснить воздействием финно-угорского субстрата. Однако не исключено, что рассматриваемый антропологический тип в этих областях восходит к глубокой древности. Расселившиеся здесь славяне, как показано ниже, смешались с местным населением и могли унаследовать их антропологическое строение.

На территории Белоруссии выявляется третий антропологический тип восточного славянства — долихокраний широколицый. Имеются все основания полагать, что этот тип в Верхнем Поднепровье и в бассейне Западной Двины является наследием местных балтов, ассимилированных славянами. Формирование же долихокрания широколицего антропологического типа в Восточной Европе восходит к весьма отдаленному периоду — культуре боевых топоров эпохи бронзы.

Четвертый антропологический тип восточного славянства характеризуется мезо- или суббрахикранией, низким или низко-средним, сравнительно узким лицом. Черепа, принадлежащие к этому типу, происходят из курганов и могильников Северо-Западной Руси. Суббрахикраний узколицый антропологический тип славян не связан с антропологическим строением прибалтийскофинского населения, жившего в Новгородско-Псковской земле в древности, и поэтому его формирование не может быть объяснено субстратным воздействием. Ближайшие аналоги черепам раннесредневековых славян Новгородской и Псковской земель обнаруживаются в северо-западной части общего славянского ареала — в землях балтийских славян. Это склоняет к мысли о переселении предков словен новгородских и кривичей откуда-то из региона, входящего в бассейны Оды и Вислы. К рассматриваемому антропологическому типу принадлежат и черепа из курганов Ярославского и Костромского Поволжья. Эти области, как будет показано ниже, заселялись славянами из Новгородской земли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Славяне Восточной Европы в V—VII вв.

Глава первая
Культуры южного региона

Глава вторая
Культуры Верхнего Поднепровья
и смежных областей

Глава третья
Культуры северных территорий

Глава первая

Культуры южного региона

Славянские древности V—VII вв. известны на обширной территории Средней и Восточной Европы — от Эльбы на западе до Днепра и Волхова на востоке и от побережья Балтийского моря на севере до Балканского полуострова и Пелопоннеса на юге. Важнейшими этнографическими признаками культуры славян того времени являются лепная глиняная посуда, домостроительство и погребальная обрядность. Именно по этим признакам славянские древности отчетливо выделяются среди синхронных, оставленных друмидами свронеийскими этноязыковыми группами — германской, балтской, фракийской, тюркской, финно-угорской.

Эти же элементы существовали и для дифференциации славянских древностей на отдельные культурно-племенные группы. Материальная культура славян того времени уже не была единой. Расселившись на обширнейших пространствах, славяне при взаимодействии с индоевропейским населением в культурном отношении дифференцировались на несколько локальных групп.

На основании археологических материалов V—VII вв. выделяются три крупные группировки славянства (Седов В. В., 1979, с. 104—143).

Первая характеризуется пражско-корчацкой керамикой, подробно описание которой дано ниже, наземными срубными домами с типично славянским интерьером, а также захоронениями по обряду кремации умерших в грунтовых могильниках. В VI—VII вв. появляются первые курганные захоронения, которые весьма постепенно приобретают господствующее положение, вытесняя грунтовые трупосожжения. Эта группировка славян расселилась на широкой территории от верхней Эльбы на западе до Припятского Полесья на востоке, включая верхние и средние течения Вислы и Одры.

Более южные регионы славянского мира (лесостепные земли междуречья Днепра и Дуная, Среднее и Нижнее Подунавье и Балканский полуостров) принадлежали второй группировке, которой свойственны пражско-пеньковская керамика и полуземляночные жилища. Здесь также господствовали захоронения по обряду кремации, но наряду с ними рано появились трупоположения. Обычай сооружать курганы здесь не был известен, захоронения совершались в грунтовых могильниках.

В северо-западной части славянской территории раннего средневековья отчетливо выделяется третья группировка, для которой характерны своеобразная керамика суковского, дзедзицкого и других типов и наземное домостроительство. Северо-западная группировка обособляется и по погребальной обрядности. Вплоть до начала X в. здесь был распространен обряд трупосожжения с захоронениями, не фиксируемыми археологическими методами (разбрасывание остатков кремации на поверхности земли).

Эти три группировки славянства середины I тысячелетия н. э., нужно полагать, отражают диалектно-племенное членение на последней стадии праславянского языка. Славяне в то время еще говорили на общеславянском языке, однако не были монолитными в языковом отношении. Как свидетельствуют языковые материалы, праславянский язык в начале средневековой эпохи уже дифференцировался на диалекты, и это деление было достаточно глубоким (Бернштейн С. Б., 1961, с. 66—81). VI—VII веками завершается последний период праславянской истории. В результате широкого расселения славян создались условия для распада единого славянского языка и формирования отдельных самостоятельных языков славян (Филин Ф. И., 1962, с. 110). Распад общеславянского единства был весьма сложным процессом, состоявшим не только в членении славянской территории, но и в сложных миграционных перегруппировках различных праславянских племен. Диалектно-племенное деление праславян на поздней стадии их истории никак нельзя связывать с позднейшей трехчастной дифференциацией славянства.

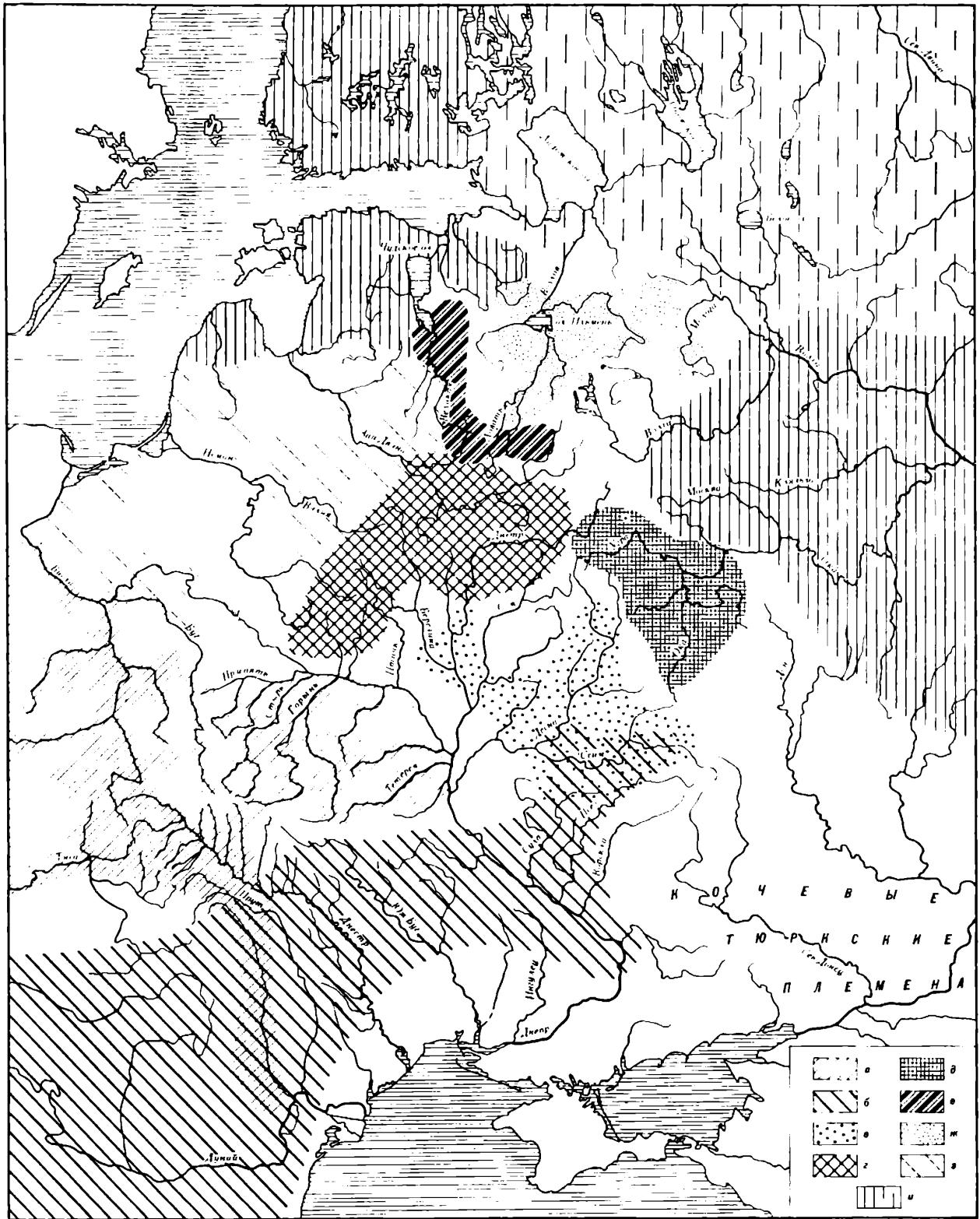
В Восточной Европе, там, где по свидетельству Повести временных лет расселились восточнославянские племена, для начала раннего средневековья (V—VII вв.) по материалам археологии выделяется семь крупных культурных группировок: культура пражско-корчацкого типа, культура пражско-пеньковского облика, древности колочинского типа, тушемлинско-банцеровская и моцишская культуры, древности, представленные длинными курганами и сопками (карта 1). Носители этих культур непосредственно или в качестве субстрата приняли самое активное участие в генезисе восточнославянского населения.

Древности пражско-корчацкого типа

Наиболее существенным признаком культуры пражско-корчацкого типа является керамика. Она представлена преимущественно высокими горшками с усеченноконическим туловом, слегка суженным горлом и коротким венчиком. Наибольшее расширение

Карта 1. Восточная Европа в V—VII вв.

а — ареал культуры пражско-корчацкой керамики; б — ареал культуры пражско-пеньковского типа; в — древности колочинского типа; г — тушемлинско-банцеровская культура; д — моцишская культура; е — культура ранних длинных курганов; ж — культура сопки; з — расселение летто-литовских и пруссо-итвяжских племен; и — расселение финно-угорских племен

ние всегда приходится на верхнюю треть высоты сосудов (табл. I, 1—8). Поверхность горшков обычно коричневатая, иногда песчолко сглажена. Орнамент отсутствует, лишь изредка встречаются горшки с косыми насечками по верхнему краю венчика. Вся керамика изготовлена без помощи гончарного круга.

Славянскую керамику третьей четверти I тысячелетия н. э. впервые обстоятельно описал чешский археолог И. Борковский, назвав ее пражской (*Borkovský I.*, 1940). Позднее она была подразделена на две группы — пражско-корчакскую и пражско-пеньковскую (*Седов В. В.*, 1979, с. 101—133). К настоящему времени выявлены и исследованы сотни памятников с пражско-корчакской керамикой на широкой территории от верхней Эльбы до Киевщины. Им посвящено множество научных статей в самых различных изданиях. Некоторые итоги изучения древностей с керамикой пражского типа в Чехословакии подвело Д. Бялековой, И. Земапом и И. Плейперовой (*Bialeková D.*, 1962, с. 97—148; 1968, с. 619—625; *Zeman J.*, 1976, с. 115—235; *Pleinerová I.*, *Zeman J.*, 1970, с. 72—732; *Pleinerová I.*, 1975), в ГДР — в монографии И. Херрманна (*Herrmann J.*, 1968) и в книге «Славяне в Германии», подготовленной ко II Международному конгрессу славянской археологии в Берлине (*Die Slawen in Deutschland*). В Польше получили характеристику пока памятники отдельных микрорегионов (*Hilczkowa Z.*, 1967; *Hachulska-Ledwos R.*, 1971; *Szymański W.*, 1967). И. Хасгава предпринял попытку обзорной систематизации раннесредневековой керамики западнославянских областей (*Hasegawa J.*, 1973; 1975). В меньшем количестве подобные древности встречаются также на территории Югославии (*Vinski Z.*, 1954, с. 71—82), Австрии (*Mitscha-Märcheim H.*, 1953, с. 355—378), Венгрии (*Bona J.*, 1968, с. 35—45), Румынии (*Кожина М.*, 1970, с. 275—287; *Mitrea I.*, 1970, с. 345—369; *Teodor Dan Gh.*, 1969, с. 253—307; 1973, с. 201—211; *Székeley Z.*, 1970, с. 125—130) и Болгарии (*Въжарова Ж. Н.*, 1965; 1976).

Памятники с пражско-корчакской керамикой на восточнославянской территории известны в южной части Припятского бассейна, на Тетереве, в верховьях Буга, Днестра, Прута и в Закарпатье (карта 2). Для дифференциации славянской керамики на локально-этнографические группы первостепенное значение имеют целые сосуды. Фрагментарные материалы обычно не дают надежных оснований, а иногда приводят к ошибочным заключениям. Поэтому на карте особым значком обозначены памятники, в которых имеются целые сосуды, найденные в результате археологических изысканий или подобранные и склеенные из фрагментов в лабораторных условиях.

В приднепровских землях вместе с пражско-корчакской керамикой довольно широко представлена глиняная посуда пражско-пеньковского типа, оставленная другой славянской группировкой третьей четверти I тысячелетия н. э. Здесь имеются поселения, па которых обнаружены исключительно пражско-корчакские формы сосудов, но они очень часто сочетаются на одних и тех же поселениях с сосудами иных типов.

В Припятском Полесье сосуды пражско-корчакского типа были выявлены еще в 20-х годах XX в. работами С. С. Гамченко и И. Ф. Левицкого, но получи-

ли паучную характеристику значительно позднее (*Кухаренко Ю. В.*, 1955, с. 33—38; *Петров В. П.*, 1963а, с. 16—38). По одному из первых исследованных здесь поселений в окрестностях с. Корчак Житомирской обл. эти древности стали называться памятниками корчакского типа. Первая их сводка для территории СССР была составлена Ю. В. Кухаренко (*Кухаренко Ю. В.*, 1960, с. 111—124).

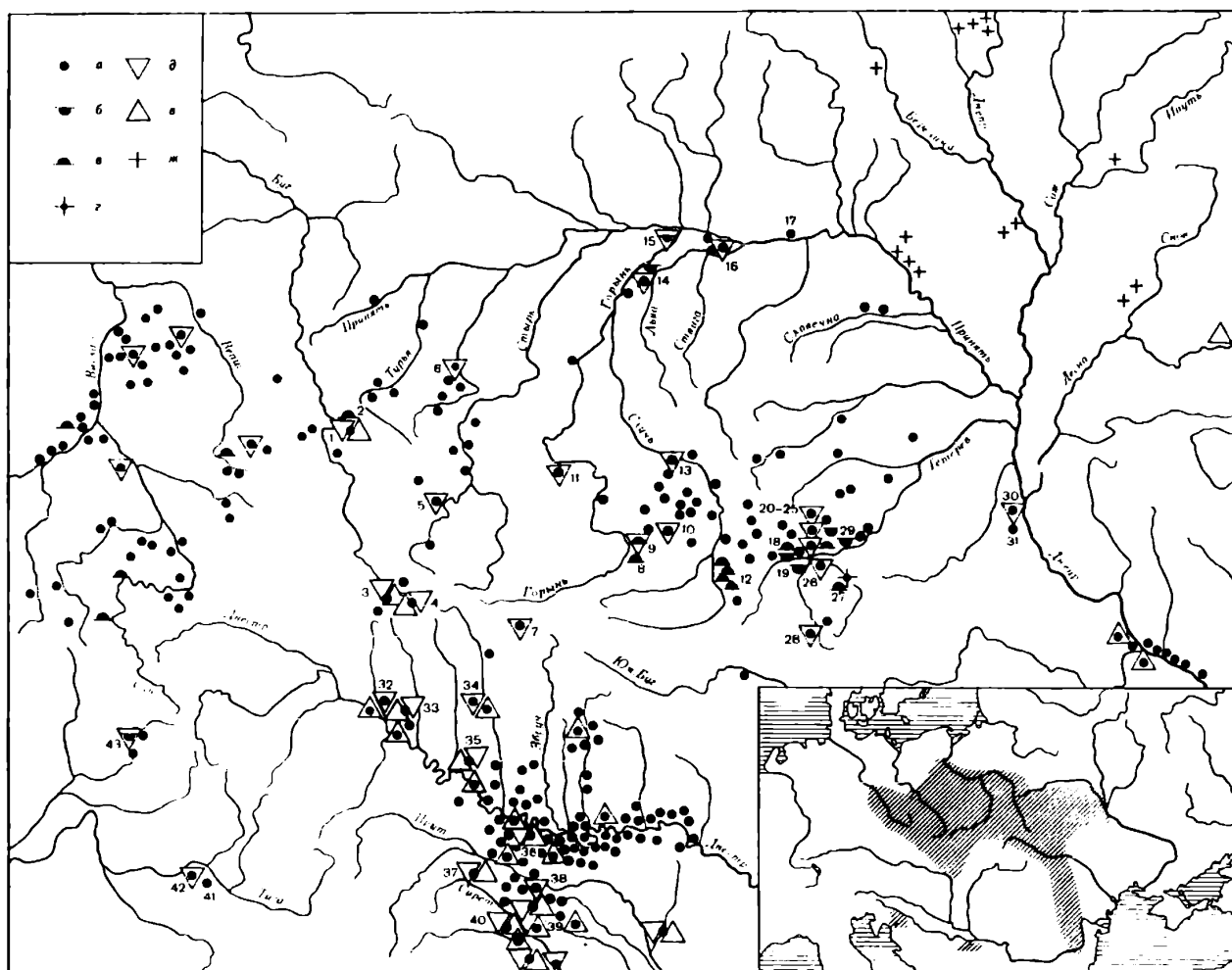
В последние десятилетия памятники с пражско-корчакской керамикой в Припятском Полесье весьма плодотворно исследовались И. П. Русановой (*Русанова И. П.*, 1973; 1976, с. 12—55). Она убедительно показала генетическое развитие более поздней славянской керамики этого региона из посуды пражско-корчакского типа. Припятское Полесье находилось в стороне от славянских и неславянских передвижений второй половины I тысячелетия н. э., поэтому материальная культура славян развивалась здесь в очень спокойном русле. И. П. Русановой удалось разработать детальную хронологическую шкалу лепной посуды VI—X вв.

В верхнем течении Днестровского бассейна и в верховьях Буга памятники с керамикой пражско-корчакского типа успешно изучает В. Д. Баран (*Баран В. Д.*, 1972). В последние годы он раскопал три поселения у с. Рашков Хотинского р-на Черновицкой обл. На селище Рашков III было исследовано 91 полуземляночное жилище в основном с печами-каменками. Эти жилища относятся к V—VII вв. Раскопками селища Рашков I изучено 80 жилищ-полуземлянок с печами-каменками и железоплавильный горн. Поселение датируется VII—IX вв. На поселении Рашков II, относящемся к VI—VII вв., открыто шесть полуземлянок с печами-каменками. Кроме пражско-корчакской посуды, на этих селищах встречаются сосуды пражско-пеньковского облика, а также горшки, близкие к колочинским. Материалы раскопок пока не опубликованы (*Баран В. Д.*, *Некрасова А. Н.*, 1978, с. 293, 294; *Баран В. Д.*, *Карчина Л. Я.*, *Некрасова А. Н.*, 1979, с. 296).

Большую работу по выявлению и изучению подобных древностей в Северной Буковине ведут Б. А. Тимощук (*Тимощук Б. О.*, 1976) и И. П. Русанова. ими исследована серия интереснейших поселений в Черновицкой обл. (*Русанова И. П.*, 1980, с. 331; *Русанова И. П.*, *Тимощук Б. А.*, 1976, с. 389; 1978, с. 381; 1979, с. 397; *Русанова И. П.*, *Тимощук Б. А.*, *Михайлина Л. П.*, 1977, с. 364, 365; *Тимощук Б. А.*, *Русанова И. П.*, 1975, с. 362, 363; *Тимощук Б. А.*, 1978, с. 186—191).

В Украинском Закарпатье памятники пражско-корчакского облика изучали К. В. Берлякович (*Берлякович К. В.*, 1957, с. 435—455), С. И. Пеняк (*Пеняк С. И.*, 1968, с. 594—604) и В. Г. Котигорошко (*Котигорошко В. Г.*, 1977, с. 81—99).

Основными памятниками славян этой группировки являются неукрепленные поселения — селища. Расположены они по берегам больших и малых рек, обычно на южных или восточных склонах первых надпойменных террас. Большинство селищ вытянуто вдоль береговых краев, размеры их 120—200×40—60 м. Изредка встречаются и более крупные поселения. Замечено, что ранние поселения имели меньшую площадь (100—200×30—40 м), постепенно их размеры увеличивались.

Карта 2. Славянские памятники V—VII вв. с керамикой первой (пражско-корчакской) группы

а — поселения; б — грунтовые могильники; в — курганные могильники; г — святилище; д — памятники с целыми сосудами первой группы; е — памятники с целыми сосудами второй группы; ж — памятники колочанского типа

Цифрами обозначены сравнительно хорошо исследованные памятники

- 1 — Зимно; 2 — Могильно; 3 — Рипнев I; 4 — Рипнев II; 5 — Липа; 6 — Подрижье; 7 — Лубинка; 8 — Шенетовка; 9 — Климентовичи; 10 — Костицеи; 11 — Зозив; 12 — Мпрополь-Ульха; 13 — Городок; 14 — Хотомель; 15 — Хорек; 16 — Семурадцы; 17 — Петриков; 18 — Буда Шеенкая; 19 — Вилы; 20—25 — Корчак (поселения I, II, VII, IX и могильники); 26 — Тетеревка; 27 — Шумск; 28 — Райки; 29 — Барашевка; 30 — Кпнев (Почайва); 31 — Ходосово; 32 — Бовшев I; 33 — Бовшев II; 34 — Звляч; 35 — Зеленый Гай; 36 — Рашиков; 37 — Кодын; 38 — Гореча; 39 — Глубокое; 40 — Каменка; 41 — Дяково (урочище Надь-Эр); 42 — Чена; 43 — Ужгород

На врезке: общий ареал славянских памятников первой группы

Для устройства поселений славяне выбирали земли, пригодные для земледелия и пастбы скота, что уже свидетельствует о земледельческо-скотоводческой основе их хозяйства.

Разведками в Припятском Полесье установлено, что обычно селища располагаются гнездообразно на протяжении 2—5 км. Часто такие «гнезда» состоят из

трех-четырех селищ, отделенных друг от друга пространством в 300—500 м, но встречаются и более крупные группировки поселений. Так, в окрестностях с. Корчак на р. Тетерев выявлена группа из 14 поселений. Ближайшие «гнезда» поселений находятся здесь на расстоянии 3—5 км.

Планировка поселений может быть исследована лишь на основе полностью раскопанных памятников, а таких пока очень немного. Единой системы в расположении жилых построек на селищах пока не наблюдается. Так, на селище Рипнев II, где раскопана площадь свыше 6000 кв. м., выяснено, что жилища располагались бессистемно на значительном расстоянии друг от друга (Баран В. Д., 1959, с. 102—113; 1963, с. 351). На многих поселениях жилища образовывали небольшие группы (расстояния между ними внутри групп от 1 до 10—15 м), разделенные значительными пространствами (до 15 м и более). Например, на поселении Корчак IX, раскопанном почти полностью, выявлено семь жилых построек, пять из которых концентрировались в средней части селища, а два других находились на расстоянии 80—100 м от этой группы построек (Русанова И. П., 1973, с. 32).

На поселении Корчак VII жилища располагались попарно на расстоянии 2—5 м друг от друга. Интервалы между группами достигали 10—40 м (табл. I, 10).

На поселении Бовшев I выявлено двурядное расположение жилищ. Очевидно, такую же планировку имело селище Корчак II, на месте которого при пахоте зафиксировано 14 пятен от жилищ, располагавшихся двумя рядами вдоль склона террасы р. Тетев. Среди поселений особое место занимает Зимновское городище — древнейший укрепленный пункт в ареале корчакской керамики. Оно устроено на мысе высокого коренного берега р. Луга, правого притока Буга. Городище занимает центральную часть мыса, выделенную глубокими рвами. Его размеры 135×14 м. Над долиной площадка городища поднята на 15–16 м (Аулик В. В., 1972). Раскопки показали, что юго-западный край городища был укреплен деревянной стеной из стоек и закрепленных в них горизонтальных бревен и частоколом. С северо-восточной стороны оно имело крутой склон, недоступный для противника. В юго-западной части городищенской площадки открыто 13 кострищ, устроенных на глиняных вымостках. Скорее всего это остатки большой наземной постройки, может быть, разделенной на камеры и конструктивно связанной с бревенчатой оборонительной стеной.

Кроме фрагментов лепной керамики, на городище найдены многочисленные металлические предметы — орудия труда, бытовые изделия, принадлежности одежды и украшения, а также изделия из кости, камня и глины, в том числе литейные формочки, тигельки. Находки с несомненностью свидетельствуют, что здесь жили и работали ремесленники — кузнецы, ювелиры и камнерезы. Зимновское городище было ремесленным центром, поставлявшим окрестному славянскому населению необходимые металлические предметы, а также, по-видимому, политическим центром одного из племен или даже племенного союза.

В Польше подобным поселением было, очевидно, городище Шелиги (*Szymański W.*, 1967). В основной части области распространения керамики пражско-корчакского типа жилищами служили наземные срубные дома типично славянского интерьера с печью-каменкой или глиняной печью (*Donat P.*, 1970, S. 250–253; 1976, S. 113–125). На территории СССР наземные жилые постройки хорошо исследованы на поселениях VI–VII вв. Федоров I и Чепя в Закарпатье (*Котигорошко В. Г.*, 1977). Это были срубные строения площадью 15–20 кв. м. В середине их обычно устраивали котлован площадью не более 8–10 кв. м с отопительным сооружением — печью, нижнюю часть которой вырезали из материкового останца, а верх долепливали из глины. Средние размеры оснований печей 1×0,8 м. Внешняя часть печи имела обычно прямоугольные очертания, внутренняя, топчаная — овалы.

Подобные жилые постройки широко представлены на поселениях второй половины I тысячелетия н. э. на территории Польши.

Только наземные дома, очевидно, строились на городище Зимно. Однако сказать, насколько широко было распространено наземное домостроительство на поселениях с пражско-корчакской керамикой на Волыни и в Припятском Полесье, затруднительно, поскольку от наземных срубных построек в культурных отложениях остаются обычно лишь слабо заметные остатки, а иногда не сохраняется никаких следов.

Эта территория является периферией ареала пражско-корчакской керамики. Всюду на его окраинах, соседствующих с областью расселения второй славянской группировки, представленной в Днепро-Днепровском междуречье памятниками типа Пеньковки, наземные жилища сочетаются с полуземлянками, и последние часто господствуют (карта 3).

На многих исследованных поселениях Полесья и Волыни открыты полуземляночные постройки (*Раппопорт И. А.*, 1975, с. 12–26, 116, 117). Они имели четырехугольные котлованы с длиной стен от 2,5 до 5 м. Наиболее распространенный размер 3–4 м. Глубина котлована от 0,2–0,3 до 1 м, реже — более метра. Стены жилищ в большинстве случаев были бревенчатыми срубными (табл. 1, 11, 12). В Рипшине II срубы сложены не из бревен, а из плах. Иногда их промазывали глиной. В отдельных жилищах поселения Рипшев II, Зеленый Гай и Глубокое стены сделаны из горизонтальных плах, прижатых к земляным степам котлованов с помощью столбов.

Полы жилищ были земляными или выстланы досками. Входы устраивались в большинстве случаев с помощью деревянных лестниц. Лишь в единичных жилищах (например, Корчак VII и IX) имелись вырезанные в грунте ступенчатые коридорчики, служившие входами.

Печи в славянских полуземлянках находились обычно в одном из углов котлована, противоположном от входа. На поселениях Припятского Полесья и Волыни господствовали печи-каменки, сложенные из необработанных камней (рис. 1). Основание их

Карта 3. Распространение жилищ третьей четверти I тысячелетия н. э.

a — наземные дома со славянским интерьером; б — наземные дома с печью или очагом в середине; в — наземные дома пещерного типа; г — полуземлянки с печью или очагом в углу; д — полуземлянки с очагом или печью в середине
1 — Изборск (VIII в.); 1а — Псков (VI–VII вв.); 2 — Старая Ладога (VIII в.); 3 — Золотое Колоно (VIII в.); 4 — Жабинь; 5 — Умень; 5а — Прудки; 6 — Городище; 7 — Гурки; 8 — Пекасец; 9 — Дедловичи; 9а — Боровно; 10 — Красная Зорька; 11 — Шутайлово; 12 — Кислая; 13 — Влизнаки; 14 — Демиденка; 15 — Устье; 16 — Тушемля; 17 — Мощины; 18 — Дешевка; 19 — Смольяны; 20 — Белокаменка; 21 — Маусурово; 22 — Форостовичи; 23 — Целиков Бугор; 24 — Колодезный Бугор; 25 — Стрелица; 26 — Заярье; 27 — Левки Бугор; 28 — Тайманово; 29 — Нижняя Тошца; 30 — Щатково; 31 — Колочина; 32 — Подрижье; 33 — Ромош; 34 — Липа; 35 — Городок; 36 — Рипшев II и III; 37 — Оросево; 38 — Петрово; 39 — Федорово; 40 — Чепя; 40а — Перехрестье; 41 — Демьянов; 42 — Бовшев I и II; 43 — Звизья; 44 — Городок; 45 — Купин; 46 — Зеленый Гай; 47 — Колодривка; 48 — Пезвико; 49 — Горосево; 50 — Перебыковцы (урочища Цегильня и Лука); 51 — Рашков I, II и III; 52 — Пригородок; 53 — Каветчина; 54 — Устье; 55 — Сокол; 56 — Лука-Врублевская; 57 — Бакота; 57а — Бернашевка; 58 — Студеница; 59 — Коды I и II; 60 — Глубокое; 60а — Черновка I, II, III; 61 — Козлов; 62 — Хуча; 63 — Малашты; 64 — Одая; 65 — Селиште; 66 — Бранешты XIII; 67 — Реча; 68 — Ханска; 69 — Корчак I, VII, IX; 70 — Парчевка; 71 — Голики; 72 — Кальник; 73 — Чертория; 74 — Кочуров; 74а — Кочубевка; 74б — Пархомовка; 75 — Самчицы; 76 — Семенки; 77 — Ладжвин; 78 — Скибичи; 79 — Киев; 80 — Ходосово; 81 — Обухов; 82 — Сахновка; 83 — Крещатки; 84 — Домантово; 85 — Пастырское; 85а — Будичи; 86 — Пеньковка (Луг 1, урочище Молочарья, Андрусовка); 87 — Степовка; 88 — Волошское; 89 — Игрель; 90 — Першего Травня; 91 — Хитцы; 92 — Будки; 93 — Комаровка; 94 — Авдеево; 94а — Каменево II; 94б — Букречка II; 95 — Воробьевка; 96 — Лебяжье; 97 — Песчаное